

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ЛИЧНОСТЬ

ТВОРЧЕСТВО

РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

Публикации и исследования

Выпуск II

Санкт-Петербург

Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество»
(грант НАН837)

Редактор-составитель
Владимир Григорьевич Белоус

© В. Г. Белоус, 1998 г.: составление

**«Слово о гибели русской земли» А. М. Ремизова
и его критик — Иванов-Разумник**

Конец 1917 — начало 1918 гг. — период беспрецедентной публицистической активности Ремизова, ранее, кроме театральных рецензий и «Открытого письма» 1909 г., никак не проявлявшейся. Исследователи, останавливаясь на разных аспектах его публицистики революционных лет¹, не касались определения того внутреннего идейного стержня, который обусловил ее всплеск. На наш взгляд, такая публицистическая активность была непосредственно связана с историософской концепцией писателя.

В повести «Пятая язва» (1912) следователь Бобров писал «обвинительный акт» русскому народу, обвиняя его в неделании «дела души своей», в покорности, превращающей его в игрушку злых сил. «И было похоже на то, как когда-то в старину в смутные годы дьяк Иван Тимофеев в “Временнике” своем, подводя итог смуте, выносил свой приговор русскому народу, бессловесно молчащему, а троицкий монах Авраамий Палицын судил русский народ за его безумное молчание»². Это произведение стало итогом размышлений писателя над событиями Первой русской революции. В новую «годину гнева», в 1917–1921 гг., писатель обратился к тем же сочинениям русской публицистики XVII в. — свидетельствам того, что и в первую Смуту не все русские люди «бессловесно» молчали и составляли единую проклятую Богом «псоглавую» массу.

Публицистические произведения Ремизова можно условно разделить на два вида, различных по жанру и способу раскрытия авторской позиции, но равно подчиненных главной теме, которую в свое время энергично выразил Лев Толстой: «Не могу молчать!». К первому виду ремизовской публицистики относятся тексты, созданные в популярной еще с евангельских времен «пропагандистской» форме рассказа-притчи. В «Простой газете», «Новой простой газете», «Воле народа», «Вечернем звоне», «Воле странь» и др. Ремизов опубликовал ряд притч, основанных на древнерусских источниках. На первый взгляд, это были

повествования о героях легендарных времен — святых и подвижниках. Но эти истории становились актуальными откликами на современность, когда включались в контекст реальной действительности.

Примером подобной «публицистики» может служить новая редакция давнего ремизовского пересказа проложного повествования о старце Герасиме и льве. сюжет которого неоднократно использовался авторами новой литературы. например. Н. С. Лесковым. В ремизовском рассказе «Страх смертный» старец помог льву, лев стал служить старцу, на которого раньше работал лишь конь. Казалось бы, рассказ кончался картиной «всеобщего счастья». Но Ремизов сделал к нему небольшое дополнение: «И никто не знал, как плохо коню! Старец знал, для чего ему лев служит, и лев знал, для чего он старцу служит, а конь ничего не знал, для коня старец — старец, лев — лев. И это тоже никто не знал, ни старец, ни лев. / И возненавидел конь льва, а пуще старца святого. И одного уж ждал конь и об одном по-своему, по кониному, творил Богу молитву и утреннюю, и вечернюю, чтобы освободил его Бог от льва. прибрал старца»³.

Если образы двух героев (старца и льва) уже были знакомы читателю, даже неискушенному в древней книжности, то не менее известен ему был третий герой — конь. В классической русской литературе и публицистике (Ф. Достоевский, М. Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Н. Михайловский и др.) образ «лошаденки», «коняки» являлся символом страдающего народа. Рассказ о мире и благолепии старца и льва, основанных на горе и страхе «облагодетельствованного» ими коня, был помещен среди публицистических заметок, осуждавших пропагандировавшееся большевиками принуждение всех ко всеобщему счастью. В подобном контексте он становился притчей о неприятии народом «всеобщего счастья», насильно декларируемого сверху. По сути, такими притчами были и политические сказочки Ремизова в «Простой газете». Форма «притчи» была избрана автором, чтобы сделать отвлеченную мысль понятной «простому» читателю и, одновременно, чтобы скрыть крамольный смысл сказанного от «чужих ушей» — т. е. возрождающейся цензуры.

Другим видом ремизовской публицистики того времени были прямые обращения к читателю. В момент нарастающих запретов на свободу слова тема преодоления «бессловесного молчания» приобрела особое значение в публицистике Ремизова. На смену прежнему безоговорочному осуждению (о чем говорилось в «Пятой язве»), пришла более глубокая и дифференцированная оценка изреченного или неизреченного на фоне потоков красноречия, лившегося в период «гушинцев», и опасности произнесения слов во времена диктатуры «Болотникова».

В «Новой простой газете» под псевдонимом «Сергей Скрытник» было опубликовано публицистическое произведение «Зазыв / письмо первое / Скрытникам и молчальникам»⁴. Это было обращение редакции к тем читателям, которые в современной политической ситуации вольно или невольно были обречены на немоту. Жанр «письма», его основная тема — тема «молчания», лейтмотивная для творчества Ремизова этого времени, а также характерная цитатная лексика позволяют предположить, что именно он был «Сергеем Скрытником». Автор «Зазыва» обращался к безмолвствующим читателям без упрека, цenia их молчание, и все же пытался пробудить от него: «Каждый думает, что одинок и поэтому молчит. <...> “Простая Газета” хочет помочь затерявшимся людям друг дружку найти. <...> Русский человек себя за мудреца не почитает. Не рабья покорная *бессловесность*, — это подлинная душа русская, черта народная — осторожность к слову. / Только *псоглавая толпа падка на зык и расправу* (курсив мой — А. Г.) <...> А в дни наши несуразные, перепутные, сколько сказано пустых слов! / Большая сила нужна, чтоб опустошенному слову душу вернуть»⁴.

Ремизов-публицист призывал читателей пробудиться от немощующей покорности, которая приведет каждого к потере самого себя, а всех вместе превратит в проклятый «затворенный» народ. В день открытия Учредительного собрания (5 января 1918 г.) он опубликовал программную статью за своей подписью. Ее заглавие составили слова Авраамия Палицына о главной причине начала беды во всей России — «Безумное молчание». В этой статье Ремизов говорил о двух видах молчания. Первое — духовное, подобное «мысленной молитве». Это — безмолвие о том, что нельзя и не требуется выразить словом. Другое — молчание, как проявление определенной пассивной общественной позиции в моменты, когда нужно деяние, одним из видов которого является слово.

«Когда ты увидишь, — писал Ремизов, — как на глазах у тебя глумятся и оскорбляют безответно, и сам смолчишь, твое молчание — безумное. / Мы в смуту живем, все погублено — без креста, без совести. И жизнь наша — крест. И также три века назад смута была — мудровали Воры над родиной нашей, и тяжка была жизнь на Руси. / И в то смутное время. у кого болела душа за правду крестную, за разоренную Русь, спрашивал совесть свою: / “За что нам наказание такое, такой тяжкий крест русской земле?” / И ответил всяк себе ответом совести своей. / И ответ был один: / “За безумное наше молчание”»⁵. Использование прямых параллелей и аллюзий между Смутой XVII в. и современностью актуализировало историческую па-

мять читателей, и, одновременно, напоминало, что только путем деяния, активного противодействия удалось преодолеть ту, первую Смуту и возродить Россию.

28 октября 1917 г. в издании «Россия в слове» — литературном приложении к газете «Воля народа»⁶ Ремизов опубликовал «Слово о погибели земли русской», во второй редакции названное «Словом о погибели русской земли»⁷. «Слово о погибели русской земли» не раз привлекало к себе внимание исследователей творчества писателя. Анализировались его поэтика, язык, политическая злободневность той поры и связь с современностью. На наш взгляд, его следует рассматривать как органичное явление эстетического самосознания писателя. «Слово о погибели русской земли», как сразу же было отмечено современниками, было преемственно связано с повестью «Пятая язва». О том свидетельствуют явные тематические и текстуальные параллели. Однако сравнение этих двух произведений показывает, что «Слово о погибели» — отражение следующего этапа в развитии ремизовской историософской концепции.

Следователь Бобров писал «обвинительный акт» всему русскому народу и, одновременно, это был «плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа». В рецензии, озаглавленной «Плач о погибели русской земли», П. Е. Щеголев отмечал: «Разорение русской земли — вот истинная тема А. Ремизова <...> Переживаемый нами кризис русского самосознания доходит до высшей своей точки в повести <...> Нашему национальному самосознанию А. Ремизов учиняет тяжелое испытание и заставляет нас заглянуть в те душевные глубины, где личное “я” сливается с другими “я” в мистическом чувстве здорового патриотизма»⁸.

Критик, являвшийся знатоком древнерусской литературы, подметил два существенных момента, присутствующие в повести. Во-первых, он применил название древнерусского памятника ко всему произведению, тем самым указав на значение категорий древнерусской культуры в художественном мироощущении Ремизова. Во-вторых, он отметил особенность авторской позиции (ту же, что проявлялась, в частности, и в «Лимонаре») — стремление проникнуть в народное мышление и говорить из его глубины. Вспомним оценку «Лимонаря» А. И. Яцимирским, который отмечал значимость слиянности творчества Ремизова с «народной психологией», когда «народные верования и космические представления для него самого становятся как бы родными, близкими»⁹.

Возможно, что первоначальный вариант ремизовского названия («Слово о погибели земли русской») восходил не непосредственно к древнерусскому памятнику XIII в. («Слово о погибели русской земли»), а к названию сочинения Боброва «Плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа». Лишь во второй редакции название было унифицировано с древнерусским. Подобная зеркально перевернутая взаимосвязь между заглавиями обоих произведений прослеживается и на тематическом уровне.

«Плач над разоренностью» Боброва был монологическим текстом — сочинением героя, в котором были использованы художественные приемы древнерусской литературы, цитаты из источников. Но авторская позиция являлась точкой зрения единичного человека («откатного камня»), противопоставившего себя России и судившего ее. Неслучайно в «Плач» было включено самоотожествление героя с «гордым царем» — Иваном Грозным (использованы его слова: «я не русский! <...> все русские предатели и воры!»).

Ремизовское «Слово о погибели» — это полифонический текст, в котором голос «автора» фактически является голосом хора, в котором сама глубь заговорила голосами разных времен. Из этой многострунности звучания возникал единый голос русского народа.

«Слово о погибели» не является стилизацией под древнерусский памятник, но и не воссоздает, как считает Э. Мануэльян, «древний жанр ораторской поэзии русского Средневековья»¹⁰. Это — произведение русского авангарда XX в., основанное на художественном принципе монтажа, на смене различных речевых ритмов. В нем переплетены отдельные стиливые приемы, образы, скрытые цитаты из памятников древнерусской литературы, фольклора и из новейшей литературы, в том числе из произведений и Дневника Ремизова.

Зачин ремизовского «Слова о погибели» («Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, вспомнить невозможно, вижу тебя...» (с. 194) образно стилистически близок древнерусскому «Слову о погибели» («О, светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси...»¹¹) и народной песне «Высота ли, высота поднебесная...» («Высота ли, высота поднебесная, / Глубока глубота акиян-море, / Широко раздолье по всей земли, / Глубоки омоты Непровския...»¹²).

Художественная структура «Слова о погибели» является сложным сплавом риторических вопросов о судьбе России, и разноголося откликов из разных времен: плачей, приговоров, притч и пророчеств. Между «вопросами» и «ответами» слышен одинокий голос «очевидца» событий, потерявшегося и оглушенного происходящим.

Это — непосредственная реакция на современность единичного человека: «Где нынче подвиг? Где жертва? / Гарь и гик обезьяний» (с. 194); «Один слышу обезьяний гик» (с. 195); «И вот слышу обезьяний гик» (с. 195); «Обнаглелые жадно с обезьяньим гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь» (с. 200). Но надо учитывать, что этот глас «вопяющего в пустыне» — лишь один из звучащего многоголосья «Слова».

После ряда открывающих «Слово» риторических вопросов следует скрытая цитата из романа Андрея Белого «Петербург» (1913). Сравним тексты Андрея Белого и Ремизова:

«Петербург»: «С той чреватой поры, как примчался к невшкому берегу металлический Всадник, <...> как бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия <...> страдая и плача, до последнего часа — Россия. / Ты, Россия, как конь! <...> Хочешь ли и ты отделиться от тебя держащего камня, как отделились от почвы иные из твоих безумных сынов <...> Или, может быть, хочешь ты броситься, разрывая туманы, чрез воздух. чтобы вместе с твоими сынами пропасть в облаках?»¹³.

«Слово о погибели»: «Безумный ездок, хочешь за море прыгнуть из желтых туманов гранитного любимого города, несокрушимого и крепкого, как Петров камень, — над Невой, как вихрь, стоишь. вижу тебя и во сне и в явь. Брат мой безумный — несчастлив час! — твоя Россия загибла» (с. 194).

Цитата из романа Андрея Белого взята из контекста авторского отступления о грядущей судьбе России, основанного как на символах «петербургского текста» русской литературы, так и на традиции пророческих видений о «последних временах», «транскрибированных» Андреем Белым через эсхатологию Вл. Соловьева.

В многослойной символике романа Андрея Белого образ Медного Всадника как бы распадается на составляющие. Семантика Сидящего на коне (одна из его ипостасей — Петр) связана с понятиями «порядка», «логики», «государственности». Конь — во многом неуправляем, может в любой момент вырваться из под властной руки Всадника и полететь в неведомую бездну — это один из ликов России, таящей в себе стихийное народное начало.

В этом отступлении конь Медного Всадника замер перед прыжком в неизвестность. Автор предвещает апокалиптические события грядущего. «Прыжок над историей — будет; великое будет волнение; расщелется земля; самые горы обрушатся от великого т р у с а <...> Петербург же опустится. <...> Бросятся с мест своих в эти дни все на-

роды земные <...> Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. <...> Встань, о, Солнце!»¹⁴.

Введение этой переключки цитат вводит в повествование голос современного писателя, пророчествующего о гибели «порядка», «государственности» («твоя Россия загибла»), в момент мировых катаклизмов.

Пророчеству из романа XX в. вторит отклик из прошлого — плач, основу которого составляет образ из «Слова о полку Игореве»: «Я кукушкой кукую в опустелом лесу твоём, где гниет палый лист: Россия моя загибла» (с. 194). Далее в хор вступают голоса раскольников, потом — калик переходжих, поющих песню о Ваньке Каине.

Тем самым, изначально слышны отклики самой Руси на разные трагические изломы ее истории, равно являющиеся вехами ее страдного пути. В повествовании вновь возникает риторический вопрос — почему гибнет Россия. Далее Ремизов включает в хор голос героя «Пятой язвы». Изначальной ошибкой критиков, а затем и исследователей «Слова», было отождествление автора с каким-либо единичным голосом, звучащим в произведении. Чаще всего это касалось героя ремизовской повести.

Бобров вспоминает свой «обвинительный акт»: «сердце открытое не раз на крик кричало на всю Русь: “нет правды на русской земле!” <слова из “Послания” Таубе и Крузе — А. Г.> <...> Безумное молчание <слова Авраамия Палицына — А. Г.> верных сынов твоих вопиет к Богу, как смертный грех» (с. 196). Но затем он отказывается от него: «Я не раз отрекался от тебя в те былые дни, грозным словом Грозного в отчаянии задохнувшегося сердца моего проклинал тебя за крамолу и неправду твою. <...> Но теперь — нет, я не оставлю тебя и в грехе твоём <...> я русский, сын русского, я из самых недр твоих» (с. 196). Это голос Боброва, уже пережившего нравственный переворот и сошедшего в муку страдать вместе со всем народом. Таким образом, здесь видно характерное для символизма явление автономизации персонажа от создателя. Он продолжает жизнь и развитие за рамками породившего его изначального текста.

Тема гибели, синтезирующая темы разрушения («порядка» = «наряда» = «государственности») и судьбы русского народа («Всадника» и «коня»), развивается crescendo и переходит в тему «последних времен» и наступившего Страшного Суда. Здесь звучат голоса пророков: Исайи и святого Иоанна Богослова — автора Откровения: «И свилось небо, как свиток. И нету Бога. Скрылся Он в свитке со звездами и с солнцем и луною. Черная бездна разверзлась вверху и внизу. <...> Нет ничего, ни Кремля, ни России <...> делай дело свое, — воздвигай но-

вую Россию на месте горелом. А про старое, про бывалое — забудь» (с. 198). Рефреном к провозвестиям конца звучит голос книжника — автора повести XVI в. «О граде сокровенном Китеже», возникающий дважды: «Ты канешь на дно светлая» (с. 197); «Ты весь Китеж изводи сетями — пусто озеро, ничего не найти» (с. 198).

После картины свершающегося над Россией Страшного Суда в повествование впервые полнозвучно и явно вступает голос самого Ремизова. В «Слово» включена значительная по объему цитата из его Дневника.

Запись Ремизова от 6 сентября 1917: «Русский народ, что ты сделал? / Ты искал свое счастье и все потерял. / Одураченной свиньей плюхнул в навоз. / Поверил: / Землю свою забыл колыбельную / Где Россия твоя? / Русский народ, это грех твой непрощенный. / Где же [твоя] мудрость твоя мирская? / Я гордился, что русский, берег имя родины моей, молился святой Руси. / И вот презираем. Со всем народом несую кару. Не смею глаз поднять. / — Что я сделал? Жалок, нищ и наг. Горе мое безмерно, скорбь глубока, страдание неисчерпаемо, нет утешения, нет надежд»¹⁵.

«Слово о погибели»: «Русский народ, что ты сделал? / Искал свое счастье и все потерял. Одураченный, плюхнулся свиньей в навоз. / Поверил — — / Кому ты поверил? Ну, пеняй теперь на себя, расплачивайся. / Землю ты свою забыл колыбельную. / Где Россия твоя? / Пусто место. / Русский народ, это грех твой непрощаемый. / И где совесть твоя, где мудрость, где крест твой? / Я гордился, что я русский, и лелеял имя родины моей, молился святой Руси. / Теперь презираем со всем народом несую кару, жалок, нищ и наг. / Не смею глаз поднять. / — Господи, что я сделал! / И одно утешение, одна надежда: буду терпеливо нести бремя дней моих, очищу сердце мое и ум мой помутненный и, если суждено, восстану в Светлый день. / Русский народ, настанет Светлый день / Слышишь храп коня?» (с. 198–199).

При сравнении источника (Дневника) и текста «Слова о погибели» очевидно, что в художественном тексте безысходная скорбь Ремизова — конкретного человека, одного из очевидцев истории, — трансформирована в пророческий оптимизм пророка, провидящего грядущее: «Слышу трепет крыльев над головой моей. / Это новая Русь. прекрасная и вольная, царевна моя / Русский народ, верь, настанет Светлый день» (с. 199).

Завершающая часть произведения — это слово пророка, вещающего о бедах Отечества. И тут необходимо понять ключевую фразу, которая не раз обговаривалась исследователями: «Закурекал бы, да головы нет: давно оттяпана!» (с. 200). Иванов-Разумник связал эту фра-

зу с рассказом «Обезьяны» из сборника снов «Бедовая доля» (1910)¹⁶. Позднее этот рассказ был включен в состав хроники «Взвихренная Русь». Царь обезьян Асыка перед гибелью «прокричал гордому всаднику и ненавистной <...> смерти трижды петухом»¹⁷. Оба совпадающих мотива (и в «Слове о погибели», и в «Обезьянах») восходят к одному и тому же евангельскому сюжету: троекратное пенье петуха — напоминание Петру об отречении от Христа.

В художественной структуре «Слова о погибели» эта фраза органично связана как с общим художественным планом произведения, так и с мировоззренческой концепцией писателя революционных лет. Как уже говорилось, финал «Слова» — это речь пророка — плач о прошлом, обличение настоящего, прорицание будущего. В этом контексте существенна запись в Дневнике Ремизова от 21 марта 1920 г.: «Я не пророк, я не апостол, я тот петух, к<оторый> запел и отрекшийся Петр вспомнил о Христе» (*Дневник*. С. 489). В Дневнике эта фраза закодирована — может быть, это — запись чьих-то слов, или цитата из какого-то источника. Но творческое сознание писателя аккумулировало этот «чужой» текст. Фраза о «петухе» вводила в «Слово» важную для ремизовского творчества того времени идею миссии писателя как некоего «духовного катализатора» процесса пробуждения народной совести. В дневниковой записи июня 1917 г. Ремизов отмечал: «Никакие и самые справедливейшие учреждения и самый правильный строй жизни не изменит человека, если не изменить в душе его, если душа его не раскроется и искра Божия не блеснет в ней. Или искра божия блеснет в сердце человека не надо головы ломать ни <о> каком учреждении, ни о каком строе, потому что с раскрытым сердцем не может быть несправедливости и неправильности» (*Дневник*. С. 448). Пробуждение совести, принятие страдания как судьбы приведет Россию к возрождению — Второму Пришествию.

«Слово о погибели» завершается притчей о гостях званых и не званых. По форме и семантике она является прямым жанровым продолжением евангельских притч, рассказываемых Христом. Чей голос слышен в финале «Слова» — можно только предполагать, узнавая Говорящего. После притчи о том, что еще придут настоящие гости, следуют слова из церковной заупокойной службы («Ве-е-чна-я па-мять» С. 200). Графика их написания вызывала у читателя эффект «слухового восприятия» финала как зазвучавшей музыкальной фразы. Какофония перебивающих друг друга голосов переходила в звучание хора, который завершался христианским песнопением. Русь обретала свой крестный путь — начало чаемого Воскресения.

«Слово о погибели русской земли» Ремизова — публицистическое произведение нового, синтетического жанра. Использование писателем названия конкретного древнерусского памятника («Слова о погибели русской земли») не означало прямого стилизационного подражания. Ремизову было известно, насколько широко использовался данный термин («слово») в древнерусской литературе. Можно предположить, что этот термин привлек его внимание прежде всего как емкое обозначение произведения, не ограниченного жестким жанровым канонем. В дальнейшем писатель еще раз обратился к этому термину в названии другого своего публицистического обращения («Заповедное слово русскому народу»¹⁸).

Ремизовское «Слово» — полифонический текст, который можно уподобить музыкальной партитуре хорового произведения. О судьбе России иногда горько-безнадежно, иногда яростно, иногда пророчески воодушевленно говорят безымянные люди, древние книжники, современные писатели, их герои, пророки. Это — слившийся воедино хор, в котором голос Ремизова — лишь один из многих. Создание подобного полифонического произведения шло в русле главного направления ремизовской публицистики революционных лет — снять печать с «затворенных уст», прервать «безумное молчание», дать заговорить самой России — всем ее обитателям — от духовной элиты, чьи произведения сохранила история, до тех, чьи голоса угадали во времени. Как синтез этих голосов создастся тот «глас народа», который и пробудит «смолчливых» от духовного оцепенения и преступного недеяния.

«Слово о погибели русской земли» получило общественный резонанс только после опубликования в сборнике «Скифы». Здесь, сразу за текстом Ремизова следовала статья Р. В. Иванова-Разумника «Две России», которая сочетала в себе черты литературной рецензии и публицистического выступления. Причем последнее превалировало над первым. По сути, эта статья шла в русле традиций отечественной революционно-демократической и народнической критики, когда произведение искусства становилось лишь поводом для изложения общественно-политических взглядов рецензента.

Иванов-Разумник безоговорочно принял Февральскую революцию, видя в ней начало мирового «революционного пожара». Только в единомышленниках он видел людей «Нового Завета», чающих «Нового Мира». Инакомыслящих он объединял в лагерь «староверов»: «Пусть среди вторых — и крупный художник слова, скорбящий за старое <...>, и <...> всесветный мещанин <...> оба они <...> могут быть жестоки-ми “контр-революционерами”» (*Две России*. С. 206).

В статье «Две России» вульгарный идеологизм причудливо сочетался с эстетически точными оценками отдельных составляющих творчества Ремизова. Ее автор первым указал на преемственную связь между «Словом» и другими произведениями писателя («Лимонарем», «Пятой язой», «Обезьянам»). Но выводы, которые Иванов-Разумник — критик делал из сопоставительного анализа текстов, подвергались под априорную концепцию Иванова-Разумника — публициста.

Так, Иванов-Разумник вспомнил о давнем апокрифе «О страстях Господних» и чутко подметил его связь с ремизовским восприятием революции. «Распятый Христос никогда не воскресал <...> Вот подлинная вера Ремизова. Много писал он о Христе, но не все до сих пор понимают, что его Христос — не воскрес. Что ж удивляться тому, что и революция для него есть лишь “беззаконство” несметной бевсовской силы “из темных ям”?» (*Две России*. С. 221). Однако указав одним из первых на взаимосвязь ремизовского мифа о не воскресшем Христе с историософской концепцией, критик не увидел духовной эволюции писателя. Для Ремизова 1910-х гг. Христос воскрес, но никогда не освящал дела насилия. Так 9 января 1918 г. писатель отмечал в Дневнике: «Россия, хочешь осчастливить Европу, хочешь поднять бурю и смести и на западе всякие вежи старой жизни. И если так было бы, я не хочу твоего цветущего сада, который насадили окровавленные руки. Последняя Мурка, задушенная в канаве отравит мне все твои розы. Разговор с Блоком о музыке и как надо идти против себя. Голгофа! Понимаете ли вы, что значит Голгофа? Голгофа свою проливает кровь, а не расстреливает другог<о>» (*Дневник*. С. 473–474).

Изначально идеологический подход Иванова-Разумника к ремизовскому тексту определил и его вульгаризованную трактовку произведения как плакатно-однозначного выражения личной точки зрения писателя. Отсюда критик делал логичный вывод, что для Ремизова положительно значимы только «самодержавие, православие, народность. Трудно верится сразу, что именно *здесь* его ценности, что таков внешний политический смысл “Слова о гибели Русской Земли”, но сомнения невозможны» (*Две России*. С. 209).

Ремизов тяжело воспринял подобную оценку своего произведения со стороны критика, в котором ранее он находил понимание своего творчества. Возможно, что его реакция на статью проявилась в разговоре с ее автором, содержание которого пунктирно законспектировано в дневниковой январской записи 1918 г.: «Костры заволжские — саможжения — от Аввакума возродили Пушкина и Достоевского. Сила духа старой Руси сожигающей<ся> перешла в Пушкина и Достоев-

ского. / Был Разумник — битва под Разумником» (*Дневник*. С. 472). Очевидно, в личном разговоре Ремизов вновь, «прямым текстом», повторил свою мысль о единстве исторического пути России и о роли литературы, пробуждающей человеческую душу.

Статья Иванова-Разумника вызвала несколько откликов. Так А. Н. Чеботаревская возмущалась невозбранностью «общественному критику Разумнику Иванову клеветать на безответного сказочника Ремизова, оплакивающего на своем языке, своими словами и образами, гибель земли русской»¹⁹. Сохранился и эмоциональный отклик З. Н. Гиппиус в ее письме Ремизову от 1 января 1918 г.: «То, что сделала с вами Иванов-Разумник — последнее похабство. Я только что увидела “Ск<ифы>”, и считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил. Кроме того и сама по себе его статья столь кощунственно-грязна, что ее трудно держать в руках»²⁰. Оценка Гиппиус была резкой, но парадоксально-пророческой.

«Слово о погибели русской земли» Ремизова долгие годы воспринималось через призму статьи Иванова-Разумника, и это обусловило негативное отношение к писателю-эмигранту на его Родине. Так в академической «Истории русской литературы» 1954 г. о Ремизове было написано: «Если буржуазно-демократическую революцию в феврале 1917 года символисты еще и “приняли” с либеральных позиций, то дальнейшее развитие событий они встретили, за малым исключением, как враги народа. <...> А. Ремизов оплакивал старую Россию (“Плач о погибели русской земли”) <...> несколько позже К. Бальмонт, А. Ремизов и Вяч. Иванов бежали за границу, где примкнули к злейшим врагам Советской России»²¹.

Примечания

¹ *Lampl Horst*. Political Satire of Remizov and Zamjatin on the Pages of *Prostaja gazeta* // *Aleksej Remizov*. Approaches to a Protean Writer. Columbus: 1987. P. 245–260; *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // *Русская литература*. 1992. № 1. С. 205–215; *Иезуитова Л. А.* «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля народа» // *Алексей Ремизов*. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 67–81; *Обатнина Е. А.* Ремизов. «Вонючая торжествующая обезьяна...» // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 11. С. 142–153.

² Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 18. СПб., 1912. С. 146.

³ Простая газета. 1917. 8 ноября. № 1. С. 2.

⁴ Новая простая газета. 1917. 26 ноября. № 1. С. 4.

⁵ Вечерний звон. 1918. 5 января. № 23. С. 3.

⁶ См.: *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 14. С. 154–156.

⁷ Скифы. Сб. 2. Пг., 1918. С. 194–200. Далее цитируется по этому изданию.

- ⁸ День. 1912. 27 октября. № 26. С. 6.
- ⁹ Исторический вестник. 1908. Апрель. Т. СХII. С. 1094.
- ¹⁰ Мануэльян Э. «Слово о погибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. С. 81.
- ¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 130.
- ¹² Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 259.
- ¹³ Андрей Белый. Петербург // Сирин. Сб. 1. СПб., 1913. С. 140–141.
- ¹⁴ Там же. С. 141.
- ¹⁵ Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вступ. зам. и комм. А. М. Грачевой // Минувшее. Исторический альманах. 16. М.–СПб., 1994. С. 462–463. Далее цитируется в тексте *Дневник* с указанием страницы.
- ¹⁶ Иванов-Разумник. Две России // Скифы. Сб. 2. С. 214. Далее цитируется в тексте: *Две России* с указанием страницы.
- ¹⁷ Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 297.
- ¹⁸ См.: Россия в слове. Литературное приложение к газете «Воля народа» (1918. № 1).
- ¹⁹ Чеботаревская Ан. Стрельба по своим // Новый вечерний час. 1918. 4 января. № 3. С. 2.
- ²⁰ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 53. Л. 1–1об. Оpubл.: *Lamp Horst*. Zinaida Hippus and S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Band. 1. S. 186–187.
- ²¹ Орлов В. Н. Поэзия буржуазного упадка // История русской литературы. Т. X. Литература 1890–1917 годов. М.–Л., 1954. С. 773–774.